

ИСТОРИЯ

УДК 930.1

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ «ЦЕРКОВНЫЕ ИСТОРИИ» V ВЕКА: В ПОИСКАХ ОБРАЗЦА

© 2010 г.

И.Ю. Ващева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

vasheva@mail.ru

Поступила в редакцию 05.07.2010

Поднимается вопрос о направлениях развития позднеантичной историографии, стандартах и моделях историописания и формировании жанра «Церковных историй». В этом отношении весьма важными и интересными оказываются работы двух малоизвестных в современной византистике авторов V века – Филиппа Сидского и Геласия Кизикийского. Рассматриваемые работы, представляя собой не слишком удачные образцы «Церковных историй», тем не менее, четко показывают те рамки, в которых развивается данное направление исторической мысли и позднеантичной историографии, и рубежи, между которыми колеблются стандарты написания церковно-исторических сочинений той эпохи. В целом, этот материал позволяет уточнить наши современные представления о «Церковных историях» и о том, как в IV–VII веках осуществлялся поиск новых историографических форм, оптимальных для исторических сочинений и раскрытия новой (христианской) историко-философской концепции.

Ключевые слова: поздняя античность, византистика, историография, историческая наука, церковные истории, модели и способы историописания.

Эпоха Поздней античности (IV–VII вв.) представляет собой крайне важный период не только в становлении социальных институтов, экономических и политических структур формирующегося нового общества, но и в формировании нового мировоззрения, оформлении новых представлений и концепций, выработке новых подходов к объяснению прошлого и настоящего. Одновременно с изменением ментальных структур осуществляется поиск новых историографических форм, в которые должны были воплотиться новые идеи. Соответственно исторические сочинения обретают новый облик, новую форму, наилучшим образом способствующую раскрытию христианской историко-философской концепции. Одной из таких форм оказались «Церковные истории».

Как ни парадоксально, но при двухвековой истории изучения христианской исторической традиции и, казалось бы, полной ясности и однозначности термина, феномен «Церковных историй» до сих пор остается неизученным и неосмысленным в полной мере.

Современные представления о «Церковных историях» поздней античности весьма схематичны. В частности, современными учеными «Церковные истории» воспринимаются как не-

кий род исторических сочинений, посвященных рассказу исключительно о событиях из истории становления и утверждения христианской церкви, как некий весьма специфический жанр, призванный пропагандировать идеи новой (христианской) церкви. Отмечаются также в разных сочетаниях апологетический настрой и жертвование истиной в угоду религиозным интересам, политическая пристрастность и тенденциозность авторов, желание их снискать земные блага путем восхваления официальной церкви или правящего императора и т.д. [1, с. 180 и далее; 2, Vol. 1. P. 443. Vol. 2. P. 937; 3, S. 183–184; 4–6].

В то же время чуть ли не в каждом отдельном случае исследователи вынуждены констатировать, что в том или ином церковно-историческом сочинении много всевозможной и очень разнородной информации, тогда как детали религиозных споров и конфликтов автором старательно обходятся стороной. Весьма неожиданно, но «Церковные истории» очень часто содержат информацию, имеющую косвенное отношение к истории церкви, а о событиях религиозной жизни гораздо больше можно узнать из сочинений другого рода, нежели из самих «Церковных историй». Еще одной важ-

ной отличительной чертой церковной историографии считается провиденциализм, однако данная черта в той или иной степени свойственна мировоззрению, пожалуй, всех историков того времени, даже таких, как Аммиан Марцеллин или Прокопий Кесарийский. В результате ни предмет исследования, ни провиденциальная концепция не являются тем очевидным и безусловным критерием, который позволяет отделить «Церковные истории» от других исторических сочинений эпохи и выделить их в отдельный жанр.

В целом, хотя исследователи очень часто используют слово «жанр» применительно к «Церковным историям» IV–VII вв., развернутые характеристики стандартов и требований этого жанра в исторической литературе отсутствуют. Если христианская направленность и концептуальное наполнение этих сочинений вполне очевидны, то окончательная форма, в которую могла и должна была быть облечена эта новая (христианская) историко-философская концепция, и главное – каким образом осуществлялся поиск и формирование этого образца, абсолютно не исследованы. Поэтому отдельную проблему для историка составляет выяснение того, как, по мнению авторов и читательской аудитории позднеантичной эпохи, должна была выглядеть «Церковная история», каким стандартам должна была соответствовать и какие требования предъявлялись к такого рода сочинениям.

Одной из форм, максимально соответствующей новому мировоззрению и задачам новой истории и наиболее востребованной в период IV–VII веков, являются именно «Церковные истории». Однако обычно в качестве примера и образца, поясняющего, что такое «Церковная история» и как она должна была выглядеть, приводят пять классических работ – «Истории» Евсевия Кесарийского, Сократа Схоластика, Созомена, Феодорита Киррского и, наконец, Евагрия. При этом значительное число исторических сочинений с таким же или аналогичным названием, но имеющих некоторые отклонения по содержанию или форме, рассматриваются крайне редко. При данном подходе путь развития и становления жанровой формы церковных историй выглядит линейным и однонаправленным, лишенным каких-либо творческих поисков и отклонений (Евсевий – родоначальник жанра; Сократ Схоластик, Созомен и Феодорит Киррский представляют евсевянскую традицию, и, наконец, работа Евагрия знаменует уже вырождение жанра). Между тем плеяда продолжателей Евсевия и авторов «Церковных историй» в действительности намного больше,

чем обычно представляется, а путь развития и оформления самой жанровой формы оказывается гораздо более сложным и извилистым.

Круг сочинений, которые могут быть отнесены к «Церковным историям», также определяется современными учеными весьма неоднозначно. Как правило, в качестве классических образцов «Церковных историй» указывают исторические работы Евсевия Кесарийского, Сократа Схоластика, Созомена, Феодорита Киррского и Евагрия. Церковно-исторические сочинения других авторов, в силу плохой сохранности их работ либо из-за неортодоксальности их религиозных взглядов, практически всегда остаются за кадром и не привлекаются к исследованию. В то же время отдельные произведения спорадически также причисляются к «Церковным историям». В результате круг церковно-исторических сочинений и соответственно границы этого «жанра» оказываются весьма размытыми.

Вместе с тем работы многих авторов позднеантичной эпохи, имеющие название «Церковная история», не вписываются в традиционную схему наших представлений об этом роде сочинений, что еще более осложняет ситуацию. В итоге мы не имеем ясного представления о стандартах написания «Церковных историй», о тех критериях, которые позволяют отделить круг сочинений данного жанра от прочих исторических сочинений эпохи, о путях поиска и становления этой важной историографической формы.

Данная ситуация, вероятно, объясняется тем, что становление жанровой формы «Церковных историй» происходит не одномоментно, но проходит длительный путь проб и ошибок, поисков и апробаций. В результате одни сочинения оказались востребованными и популярными, другие отброшены как неудачные. Для воссоздания же полной, адекватной картины хода историко-литературного процесса, развития исторической мысли того периода и формирования жанра «Церковных историй» необходимо учитывать весь спектр удачных и неудачных попыток создания церковно-исторических сочинений, разные варианты и направления поиска оптимальной формы для выражения новых (христианских) идей. Для выявления определенных границ и требований жанра более показательными оказываются именно такие неудачные образцы, неприятые и критикованные самими византийцами.

В данной ситуации обращают на себя внимание два любопытных сочинения V века – «Христианская история» Филиппа Сидского и «Церковная история» Геласия Кизикийского. Эти авторы мало известны отечественному исследователю, да и в зарубежной историографии

о них встречаются лишь редкие упоминания. Между тем их работы дают интересную информацию о направлениях развития историографии Поздней античности, о путях развития христианской историографии в целом, о поисках новых форм исторических сочинений, принятых стандартах и нормах историописания и оформлении самого жанра «Церковных историй».

Весьма необычная работа принадлежит *Филиппу Сидскому*. В отечественной историографии о нем нет совершенно никаких упоминаний. Зарубежная историография периодически упоминает имя этого автора и отмечает сам факт существования такого сочинения, однако, рассматривая «Церковные истории» поздней античности в целом как явление, западные исследователи также не принимают его во внимание. Большинство иностранных исследователей упоминают имя Филиппа Сидского лишь в связи с богословской интерпретацией некоторых фрагментов сочинения Филиппа. Однако на сегодняшний день нет практически ни одной статьи или монографии, специально рассматривающей данного автора или его произведение в целом. Более того, большинство указанных работ относится к XVII – самому началу XX в., крайне редко они относятся к более позднему времени [7–16].

Такое отношение к «Истории...» Филиппа Сидского может быть связано, во-первых, с плохой сохранностью его работы; во-вторых, с тем, что до сих пор нет ни одного издания его сочинения и единственная рукопись по сей день остается неопубликованной; наконец, в-третьих, это может быть обусловлено некоторыми особенностями самой работы, которые отличали ее от классических образцов.

О самом авторе можно сказать не так уж и много. Точные годы рождения и смерти этого автора неизвестны. Но поскольку период акції приходится на 30-е гг. V в., принято считать, что родился он в конце IV или в самом начале V в. Как следует из самого его имени, он был уроженцем г. Сиды в Памфилии. Будучи молодым человеком, вместе со своим родственником Троилом он перебрался в Константинополь [2. Vol. 3. P. 1652–1653], где и провел, по всей вероятности, всю оставшуюся жизнь. Здесь, очевидно, он познакомился с Иоанном Златоустом, с которым они стали друзьями¹. И именно Иоанн Златоуст рукоположил его здесь в диаконы [15. P. 528; 14. Sp. 2350–2351]. Троил стал известным оратором и преподавателем в Константинополе, среди учеников которого было много известных людей того времени [2. Vol. 3. P. 1652–1653]. Филипп, очевидно, также играл не последнюю роль в церковной жизни Константинополя, по-

скольку известно, что он трижды выдвигал свою кандидатуру на пост патриарха, но трижды проиграл (в 426 г. был избран Сисиний, в 428-м – Несторий, в 431-м – Максимиан) [17, том 2. С. 319].

Главное сочинение Филиппа – объемная работа в 36 книгах под названием «Христианская история» (Χριστιανική ἱστορία)². По мнению Квастена, она была опубликована между 434-м и 439 гг. и содержала почти 1000 глав (τόμοι) [15. P. 528]. Работа представляла собой очерк всемирной истории от Сотворения мира до современных автору событий – примерно до 426 года. Данное сочинение сохранилось до нашего времени лишь во фрагментах³, однако патриарх Фотий и Сократ Схоластик сообщают некоторую информацию о содержании и характере этой работы. Сократ [18–22] не очень высоко оценивал значение данной работы и вследствие расплывчатости ее предмета, мозаичной смеси самой разнородной информации и тяжелого языка считал ее совершенно бесполезной как для ученой аудитории, так и для малограмотных читателей (Hist Eccles. VII. 27). Патриарх Фотий, во времена которого еще можно было прочитать 24 книги Филиппа Сидского из 36 [23. Cod. 35], также не очень лестно отзывался об этой работе. В частности, он обвиняет автора в неполноте информации и при этом иногда в излишней словоохотливости. По мнению Фотия, его язык, лишенный элегантности, излишне цветистый и напыщенный, довольно быстро утомляет читателя. Главным недостатком работы, с точки зрения Фотия, является то, что автор стремился не столько дать читателю полезную информацию, сколько показать собственную эрудицию и образованность.

Итак, по описаниям Сократа и Фотия, данное сочинение имело мало общего с историей и содержало информацию по всем областям знания от арифметических вычислений, теорем геометрии и астрономических построений до географического описания островов, гор, лесов, а также основных принципов музыки. Кроме того, в описании современных ему событий Филипп был далеко не беспристрастен, и последние главы его работы содержат многочисленные нападки на Прокла, бывшего в то время патриархом Константинополя (434–446). Вероятно, все эти недостатки (значительный объем, расплывчатость самого предмета и трудный для чтения, напыщенный, «азианский» стиль) способствовали исчезновению работы. Удивительно также, что Филипп, будучи не просто одним из иерархов церкви, но даже претендуя на патриарший престол, так мало пишет о событиях собственно церковной жизни, догматических

разногласиях, о спорах с оппонентами, практически ничего не говорит о спорах с несторианами, тем более что Несторий был в свое время его конкурентом. Даже критика оппонентов по церкви носит скорее личный, нежели религиозно-догматический характер.

Однако для современного исследователя данная работа могла бы быть очень полезной и интересной в нескольких отношениях. Во-первых, данное сочинение первой половины V века могло содержать информацию, которой не было в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского и которая могла отличаться от описания, предложенного другими церковными историками V века – Сократом, Созоменом или Филосторгием. В частности, один из сохранившихся фрагментов работы Филиппа Сидского приписывает Паппию утверждение о мученической кончине апостола Иоанна и его брата от рук иудеев, которое не находит ни подтверждений, ни опровержений ни в каких других известных сегодня источниках, что вызвало в свое время бурные дискуссии в научном мире [8; 16; 13. P. 105–107; 12. P. 463–466]. Другой фрагмент, опубликованный еще в 1689 г. и ставший своего рода сенсацией, касается описания Александрийской катехетической школы и списка ее глав [7; 9, S. 208–210; 10–11]. Таким образом, утраченные части «Истории» Филиппа Сидского могли содержать уникальную информацию и пролить новый свет на события церковной жизни IV – первой половины V века.

Во-вторых, данная работа содержит интересную и важную информацию с точки зрения формы и самого подхода автора V века к написанию исторического сочинения. Те черты, которые отличают данную работу от классических образцов и которые были восприняты современниками и позднейшими читателями как недостатки, как раз и являются блестящей иллюстрацией к тому, как сами византийцы воспринимали стандарты написания исторического сочинения и границы самого жанра «Церковной истории». Данная работа, по мнению самих византийцев, видимо, не удовлетворяла всем необходимым требованиям и являлась неудачным образцом жанра, поскольку объем произведения превышал необходимую норму; излишняя информация затрудняла восприятие основной мысли; хронологическая последовательность событий нарушалась автором, что, видимо, было недопустимо для исторического повествования; а слишком витиеватая и напыщенная речь была чужда и непонятна читательской аудитории.

«Христианская история» Филиппа Сидского демонстрирует еще одну очень интересную специфическую черту – стремление охватить и вме-

стить в одну книгу всю сумму достоверного (с его точки зрения) знания. Вполне вероятно, что Филипп Сидский, создавая свое объемное произведение, потратив на этот нелегкий труд несколько лет кропотливой работы, стремился продемонстрировать тем самым не столько собственный кругозор, собственную ученость и образованность (вряд ли он мог удивить этим кого-то из своих оппонентов, получивших такое же классическое образование), сколько дать христианскую, т.е. истинную в его глазах картину мира. Вероятно, все детальные географические описания, астрономические построения и математические формулы и вычисления должны были подчеркнуть именно научность его работы и, следовательно, достоверность приводимой им информации. Однако понятно, что столь разнородная информация затрудняла восприятие основной мысли автора. Не удивительно, что подобная перегруженность текста не вызвала одобрения современников и, как правильно отметил Сократ Схоластик, этого не оценили ни образованные читатели, ни малограмотные.

Однако эта, пусть даже не вполне удачная, попытка Филиппа Сидского создать настоящую «Христианскую» или «Церковную историю» отражает общее направление мысли и определенную тенденцию в развитии христианской историографии поздней античности, еще одну, хотя и оказавшуюся не вполне перспективной и востребованной, линию поиска в создании нового типа исторического сочинения. Это же стремление дать читателю полную картину мира со всеми географическими подробностями, с детальным описанием растительного и животного мира далеких стран, с описанием некоторых астрономических явлений и других чудес, какие еще существуют в мире, прослеживается и в «Церковной истории» Филосторгия. Оно также имеет свой смысл – показать величие и разнообразие мира как Божьего творения. Этот энциклопедизм, то же стремление дать читателю всю сумму достоверного, истинного знания проявляется и во многих других явлениях того времени – создании огромного количества флорилегиев, универсальных хроник, сборников житий святых, космографических трактатов, различного рода компендиумов и т.д.

Таким образом, цель данного сочинения, очевидно, состояла не в идеологической борьбе, не в пропаганде, не в отстаивании собственной конфессиональной (религиозной) позиции в споре с оппонентами (даже критика оппонентов носила не столько характер религиозной борьбы, сколько личных претензий), но в том, чтобы представить читателю некую сумму *правильных*

знаний, настоящую христианскую (т.е. истинную) историю от начала мира. Именно такое историческое сочинение, в его представлении, лучше всего раскрывало христианский взгляд на мир и путь его развития.

Еще одним не менее интересным и столь же мало изученным автором V века является *Геласий Кизикийский*. Это также один из церковных историков поздней античности, и во многом он разделит судьбу прочих авторов. Все, что мы знаем об этом авторе и его произведениях, основано на довольно путаном упоминании патриарха Фотия (Bibl., Cod. 15; 88) и той информации, которую сам автор сообщает во введении к своей «Истории» [24; 25]. Само имя автора (Γελάσιος) известно современным исследователям только благодаря Фотию. Рукописи его работы, древнейшей и самой важной из которых является Миланская рукопись (Milan, Ambros., gr. 534) XII–XIII вв., анонимны. Мы не знаем практически ничего ни о происхождении Геласия, ни о его образовании, ни о его жизни, не знаем даже примерного года рождения и смерти этого автора. Все, чем мы располагаем, это краткое упоминание самого Геласия о том, что он был сыном пресвитера Кизикийского (Historia Ecclesiastica. Proem. 2) и во время правления узурпатора Василиска (475–476 гг.), который благосклонно относился к монофизитам и преследовал сторонников «православия», вынужден был бежать в Вифинию. На основании этого краткого сообщения принято считать, что время его творческого расцвета приходится на вторую половину V века [23. Cod. 88] и умер он, очевидно, не ранее 475 года [2. Vol. 2. P. 827]. Геласий оказался вовлечен в споры с монофизитами. Именно под влиянием этих споров [26. P. 284], по всей вероятности, он и решил написать свои три книги о Никейском соборе и событиях, связанных с правлением императора Константина.

Период, который охватывает работа Геласия Кизикийского, не слишком продолжителен. Работа его начинается с прихода Константина к власти и, согласно сообщению Фотия, первоначально была доведена автором до конца правления Константина (337 г.), однако сохранившиеся манускрипты обрываются на описании синода в Тире в 335 г.

Первоначальное название работы и соответственно жанр, к которому ее относил сам автор, также остаются темой для дискуссий. Так, например, А.П. Каждан считает, что стандартное название «Historia Ecclesiastica», с которым данное сочинение сохранилось в веках, является оригинальным названием, которое работа имела

изначально. Лишь со временем, в более поздней традиции, оно было заменено другим – σύνταγμα (наиболее близкий русский эквивалент – собрание документов и материалов), вероятно потому, что оно более точно отражало специфику данной работы. Действительно, по своему содержанию работа выбивалась из общего ряда однотипных произведений, больше напоминая не столько «Церковную историю», сколько собрание документов или документированную историю Священного Никейского собора.

Другой исследователь, Г. Мараско, не столь категоричен в своих утверждениях, но пишет, что работа Геласия обычно квалифицируется как Syntagma, хотя в заглавиях отдельных книг чаще встречается выражение «церковная история» [26. P. 285], и сам автор, очевидно, воспринимал свое творение именно как «Историю». Таким образом, жанровая принадлежность данного сочинения до сих пор вызывает споры. Остается не ясным, законченное ли это историко-литературное произведение, или сборник документов одного собора.

Ценность и значение данной работы определяются современными исследователями неоднозначно. С одной стороны, рассматриваемое сочинение является важным звеном в развитии традиции, благосклонной к императору Константину, и яркой иллюстрацией тех доктринальных споров, которые развернулись на Никейском соборе и продолжали оставаться актуальными и в конце V века [26. P. 287]. Таким образом, работа Геласия дает ученым уникальную информацию о ключевых событиях церковной истории IV–V вв., отсутствующую у других авторов.

Кроме того, оценка данного произведения современными исследователями напрямую зависит от надежности и достоверности источников, которыми пользовался Геласий [26. P. 285–287; 27–31]. Как утверждает Г. Мараско, наиболее интересную и значимую часть работы Геласия составляет воспроизведение документов и сочинений, касающихся Никейского собора и лишь частично представленных в других источниках [26. P. 286]. Но, с другой стороны, довольно широко представлено мнение, что остальная часть работы Геласия лишена особой оригинальности и не представляет большого интереса [Ibid.].

Однако, несмотря на распространенность подобных оценок, отметим некоторые черты, которые делают сочинение Геласия весьма интересным с точки зрения развития церковной (христианской) историографии поздней античности и важным для определения рамок самого жанра «Церковной истории».

Так, работа Геласия по традиции рассматривается современными историками в общем ряду «Церковных историй» IV–VII веков [26. P. 284–288; 2. Vol. 2. P. 827; 27–29; 31]. И мы, действительно, можем увидеть некоторые черты, общие с другими церковно-историческими сочинениями того периода. Как и его предшественники и продолжатели, Геласий использует огромное количество официальных документов, особенно во второй и третьей частях своей работы, но при этом, так же как и многих других церковных историков, его можно упрекнуть в некоторой тенденциозности, которая проявляется, в частности, в идеализации императора Константина и соответственно в некотором искажении исторической действительности. Император изображается им не только как христианин и сторонник православной веры, инициатор и глава Никейского собора, но, как подчеркивает Фотий, Геласий старательно опровергает мнение, что Константин был крещен арианским епископом, т.е. еретиком, и настаивает на православии Константина. Очевидно, что здесь Геласий несколько искажает факты в угоду религиозным взглядам. В то же время весьма интересно, что Геласий пишет не о Феодосии и не о современных ему императорах (в этом случае его действительно можно было бы упрекнуть в определенной политической тенденциозности), но о Константине, которого давно уже не было в живых. Вероятно, этот вопрос был очень важен для христианского автора, как и для других церковных историков той эпохи, но не с точки зрения какой-либо практической или материальной выгоды и политической конъюнктуры, а с позиций христианского правоверия. Он старается найти образец идеального христианского императора и тем самым обосновать правильность избранного империей пути.

Таким образом, для того чтобы доказать истинность своих (и не только своих) религиозных представлений, Геласий действительно готов был несколько исказить, или «скорректировать», историческую действительность. Данные недостатки, впрочем, сближают его сочинение с остальными «Церковными историями» поздней античности.

Вместе с тем содержание его работы довольно сильно отличается от классических образцов «Церковных историй». Он уделяет основное внимание именно Никейскому собору и доктринальным спорам, связанным с этим собором. Его рассказ охватывает довольно краткий период времени, и другим историческим событиям он придает мало значения. Структура его работы выглядит очень четкой и хорошо продуманной. Первая часть посвящена импера-

тору Константину и его приходу к власти, вторая – содержит более пространственный и подробный рассказ о самом соборе и религиозных спорах, развернувшихся на нем, и третья часть рассказывает о последствиях Никейского собора. Таким образом, «История» Геласия – это законченное и хорошо продуманное произведение, посвященное одному конкретному событию церковной жизни империи с его предысторией и последствиями. С точки зрения современного историка, данная черта, безусловно, является достоинством работы Геласия. Данное сочинение лишено очень многих «недостатков», которые можно найти у Евсевия, Созомена, Сократа, Евагрия и других церковных историков. Однако именно эта целостность, продуманность и завершенность произведения очень сильно выделяет труд Геласия из общей историографической традиции. Автор сознательно пишет иначе, по другим канонам и стандартам, руководствуясь собственной логикой. В результате, хотя это сочинение и повествует о важнейшем событии церковной жизни, оно слишком не похоже на классические «Церковные истории». Не случайно патриарх Фотий рассматривает его скорее как рассказ об одном Соборе, нежели «Церковную историю» [23. Cod. 15 and 88]. С точки зрения языка и стиля, данное сочинение также отличается от классических образцов. Фотий, в частности, отмечает слишком простой и скромный стиль автора, лишенный всяческих украшений [Ibid.].

Таким образом, окончательная оценка данного сочинения тесно связана с проблемой жанра: что же представляют собой «Церковные истории» IV–VII веков? Можем ли мы говорить об определенных стандартах и границах особого жанра «Церковных историй»? Если да, то в какой мере работы Геласия Кизикийского и Филиппа Сидского соответствуют этим стандартам?

На первый взгляд кажется очевидным, что «История» Филиппа Сидского и «История» Геласия – сочинения очень разные по своей структуре, содержанию, организации материала, стилю написания, языку и авторской манере. Объединяет их лишь время написания (и то, и другое сочинение написано в середине – второй половине V века), плохая сохранность и малая изученность. Эти произведения представляют собой не очень удачные попытки написания «Церковных историй», если можно так выразиться, тупиковые направления в развитии традиции ранневизантийского историописания.

Однако именно эти неудачные попытки лучше всего демонстрируют те рамки, в кото-

рых развивается данное направление исторической мысли и историографии, и те ориентиры, между которыми лежат стандарты написания церковно-исторических сочинений той эпохи. Одно сочинение слишком кратко и сосредоточено только на одном событии, на одном церковном соборе, другое – слишком расплывчато и пространно. Одно путает хронологию и нарушает четкую хронологическую последовательность повествования, другое, рассказывая только об одном событии, пусть даже важном и значимом, дает «точечную» информацию и не показывает *развития* истории и раскрытия божественной истины. Язык и стиль одного сочинения слишком сложный и напыщенный, другое произведение написано слишком просто и обыденно. В данном случае анализ «от обратного» позволяет восстановить принятые в то время стандарты написания исторических сочинений. «Хорошая» «Церковная история», очевидно, должна была быть не слишком краткой и не слишком пространной и давать общее представление о ходе исторического процесса, его смысле и направлении. С этой же целью – для того, чтобы стал очевиден смысл исторического процесса и раскрытие в человеческой истории божественной истины – хронологическая последовательность событий должна была четко соблюдаться в повествовании, а сама «Церковная история», посвященная даже краткому периоду истории, должна была быть вписана в полную историческую перспективу. Для авторов «Церковных историй» и их читателей, по всей видимости, это была не история церкви (в нашем современном понимании), но история всего общества, движение его к Спасению, а христианская церковь выступала главной структурообразующей единицей нового общества. Соответственно набор тем, подлежащих рассмотрению, включал в себя не только и не столько описание соборов, религиозных споров или осуждение еретиков, но и характер и нрав правящего императора, политическое состояние империи, успешность или неуспешность войн, землетрясения и другие природные катаклизмы как показатели божественной милости или гнева, образцы благочестивого поведения, монашество, чудеса и проч. Такая история объясняла (с христианских позиций) современное состояние общества, логику и направление развития христианского мира; давала благочестивые примеры и воспитывала читателя. Ориентированы такие сочинения, вероятно, были на широкую читательскую аудиторию, главным образом, население городов империи IV–VII веков и, соответственно, должны были быть написаны хо-

рошим литературным языком, но без излишней витиеватости и напыщенности.

Рассмотренные произведения обнаруживают сходство и в других отношениях. Здесь нет стремления польстить правящему императору, авторы (намеренно или нет) избегают (или должны избегать) рассказа о современных им конфессиональных спорах, а также критики и обличений в адрес своих религиозных оппонентов. Таким образом, цель написания подобного рода сочинений состоит не в желании получить чины, звания, материальные блага от правящего императора, не в пропаганде выгодных официальной церкви идей и настроений и даже не в полемике с этой официальной линией церкви или другими религиозными оппонентами с целью утвердить собственную истину. По всей вероятности, авторы этих сочинений, как и церковные историки в целом, стремились представить читателю истинное знание, как они это понимали. В случае с Филиппом Сидским и Геласием Кизикийским очевидно стремление авторов представить читателям всю сумму научных знаний о мире и тем самым показать величие Бога-Творца либо дать краткую и достоверную информацию о ключевых моментах становления церкви и об утверждении в обществе истинной религии, т.е. христианства, и тем самым обосновать истинность принятой веры и доказать правильность пути, избранного империей.

В контексте же общего развития историко-литературного процесса поздней античности «Церковные истории», вероятно, играли роль некоего синтетического жанра, дающего общий взгляд на мир и историю с позиций христианина и призванного выполнять различные и многообразные функции – объясняющую, воспитательную, мемориальную и т.д. Полифункциональность подобных сочинений, очевидно, порождала и обилие конкретных форм, в которые воплощалась историческая мысль поздней античности.

Примечания

1. Сохранилось письмо Иоанна Златоуста к Филиппу Сидскому. См.: Migne J.-P. *Patrologia Graeca*. Vol. 52. P. 729.

2. [Филипп Сидский]. *Χριστιανική ἱστορία* (не издана, хранится в Оксфорде, Cod. Baroccianus, 142, fols. 216 r-v).

3. Единственная рукопись, содержащая фрагменты данной работы, относится уже к XIV–XV вв. (Cod. Baroccianus, 142, fols. 216 r-v). Все остальные работы, приписываемые Филиппу Сократом Схоластиком, в том числе и опровержение работы императора Улиана «Против Галлилеян», бесследно исчезли.

Список литературы

1. Удальцова З.В. Развитие исторической мысли // Культура Византии IV – первой половины VII в. М., 1984. С. 179–271.
2. The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. by A. Kazhdan. Vol. 1–3. N.Y. Oxford, 1991.
3. Winkelmann F. Die Kirchengeschichtswerke im oströmischen Reich // Byzantinoslavica. V. 37. 1976. S. 1–10, 172–190.
4. Удальцова З.В. Церковные историки ранней Византии // Византийский временник. Т. 43. М.: Наука, 1982. С. 3–21.
5. Удальцова З.В. Из истории византийской культуры раннего средневековья // Европа в средние века: Экономика, политика, культура. М., 1972.
6. Кривушин И.В. Ранневизантийская церковная историография. СПб., Алетейя, 1998.
7. Dodwell H. Dissertationes in Irenaeum. Accedit fragmentum Philippi Sidetae hactenus ineditum de catechistarum Alexandrinorum successione. Oxford, 1689.
8. De Boor C. Neue Fragmente des Papias, Hegesipus und Pierius in bisher unbekanntem Exzerpten aus der Kirchengeschichte des Philippus Sidetes // Texte und Untersuchungen zur Geschichte Altchristlichen Literasatur. Band 5, Heft 2. Leipzig, 1888. S. 165–184.
9. Wirth A. Aus orientalischen Chroniken. Frankfurt-am-Main, 1894.
10. Bratke E. Das sogenannte Religionsgespräch am Hof der Sassaniden // Texte und Untersuchungen zur Geschichte Altchristlichen Literasatur. Band 19, Heft 3. Leipzig, 1899. S. 153–164.
11. Serruys D. Autour d'un fragment de Philippe de Side // Melanges d'archeologie et d'histoire. 1906. Vol. 26. P. 335–349.
12. Ferris R.H. Critical Studies on Some New Testament Problems // American Journal of Theology. 1909. V. 13. № 3. P. 463–466.
13. Bacon B.W. Note on Mark 16:18 // Journal of Biblical Literature. 1911. V. 30. № 1. P. 105–107.
14. Opitz H.G. Philippus Sidetes // RE. Bd. 19. 1938. Sp. 2350–2351.
15. Quasten J. Patrology. V. III. The Golden Age of Greek Patristic Literature From the Council of Nicaea to the Council of Chalcedon. Utrecht – Antwerp, 1963.
16. Baum A.D. Papias als Kommentator Evangelischer Aussprüche Jesu // Novum Testamentum. 1996. Vol. 38. Fasc. 3. P. 257–276.
17. Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1995. Т. 1–3.
18. Socrates' Ecclesiastical History, according to the text of Hussey with the introduction of W. Bright. Oxford, 1878.
19. Socratis Scholastica Ecclesiastica historia with the latin translation of Valesius / Ed. R. Hussey. Oxford, 1853.
20. Socratis Scholastica Historia Ecclesiastica // Patrologia Cursus completus... t. 67. 1864. Cols. 29–842.
21. Sokrates. Kirchengeschichte / Hrsg. von G.C. Hansen. Berlin, 1995.
22. Сократ Схоластик. Церковная история. М., РОССПЭН, 1996 («Классики античности и средневековья»).
23. Photius. Bibliotheca / Ed. by R. Henry (Collectio Byzantine). P., 1960.
24. Gelasius Kirchengeschichte / Hrsg. von G. Loeschke und M. Heinemann. Leipzig, 1918.
25. Anonyme Kirchengeschichte (Gelasius Cyzicenus CPG 6034) / Hrsg. von Hansen. B. N. Y., 2002.
26. Marasco G. The Church Historians (II): Philostorgios and Gelasius of Cyzicus // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: Fourth to Sixth century A.D. / Ed. by G. Marasco. Leiden, 2003. P. 257–288.
27. Scheidweiler F. Die Kirchengeschichte des Gelasius // Byzantinische Zeitschrift. 1953. Bd 46. S. 277–301.
28. Winkelmann Fr. Die Quellen der Historia Ecclesiastica des Gelasios von Cyzicus (nach 475). Ein Beitrag zur Rekonstruktion der Kirchengeschichte des Gelasius von Kaisareia // Byzantinoslavica. 1966. Vol. 27. S. 104–130.
29. Erhardt C.T.H.R. Constantinian Documents in Gelasius of Cyzicus, Ecclesiastical History // Jahrbuch für Antike und Christentum. 1980. Bd 23. S. 48–57.
30. Loeschke G. Das Syntagma des Gelasius Cyzicenus // RhM. 1905. Bd 60. S. 594–613; 1906. Bd 61. S. 34–77.
31. Nautin P. Gélase de Cyzique // Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques. Vol. XX. Paris, 1984. P. 301–302.

LESS KNOWN CHURCH HISTORIES OF THE 5th CENTURY: IN SEARCH OF THE MODEL

I.Yu. Vashcheva

The author considers the directions for the development of late antique historiography, standards and models of the historical writing and the formation of the genre of Church histories. In this connection, the works of two authors of the 5th century, Philip of Side and Gelasius of Cyzicus, who are less known in the modern Byzantinistics, are very interesting and important. The works examined, being not exactly the best examples of Church histories, nevertheless clearly demonstrate the framework in which the whole branch of the historical thought and late antique historiography developed and the range of that epoch's standards for writing historical works. Thus, this material serves to clarify our modern understanding of Church histories and of the way how the search proceeded for the new historiographical forms optimal for historical works and exposing the new (Christian) philosophical and historical conception in the 4th–7th centuries.

Keywords: Late Antiquity, Byzantinistics, historiography, historical science, Church histories, models and ways of historical writing.